

Суверенитет республики.

Иллюзия или закономерность

Николай ДЕМЕНТЕЙ, Председатель Верховного Совета Белорусской ССР

В июле прошлого года Верховный Совет Белоруссии принял Декларацию о государственном суверенитете республики. Примерно в то же время аналогичные документы появились и в других союзных республиках, а затем и в некоторых автономных. И почти каждая из них провозгласила приоритет местных законов над союзными на своей территории. С тех пор и возникла ситуация, которую тут же окрестили как «война законов», «парад суверенитетов» и т. д. Причем применялась эта терминология лишь в негативном смысле, как явление отрицательное и даже опасное в нашей жизни.

Что ж, положи руку на сердце, с этим, пожалуй, следует согласиться. Конечно же, исходя из общепринятых во всем цивилизованном мире правовых норм, да и с точки зрения элементарного здравого смысла никак нельзя признать нормальным, что какая-то часть государства вдруг ни с того, ни с сего заявляет о своей полной юридической, политической и экономической самостоятельности. И, самое главное, тут же явочным порядком начинает это демонстрировать на практике.

Естественно, подобного рода действия неизбежно влекут за собой нарушение устоявшихся хозяйственных связей, правовой нигилизм рядовых граждан (у них ведь перед глазами пример государственных органов республики) и как следствие этого — рост социальной и общественно-политической напряженности в том или ином регионе. Все это, к сожалению, мы и имеем сегодня.

И все же, несмотря на все негативные последствия для страны в целом, которые были вызваны появлением в ряде республик деклараций о суверенитете, их стремлением к самостоятельности, процесс этот, безусловно, объективен и закономерен. Скажу больше: в основе своей он прогрессивен и в перспективе даст конструктивные результаты. Впрочем, признаки этого видны уже и сейчас.

Возможно, прочитав эти строки, кто-то увидит в них непослеловательность автора. С одной стороны, он, дескать, признает, что стремление республик к суверенитету влечет за собой элементы деструктивности, а с другой — тем не менее ратует за него.

Но давайте не будем спешить с выводами. Вспомним, что сама перестройка была начата шесть лет назад прежде всего во имя пробуждения инициативы человеческой личности, предоставления ей самых широких политических и экономических свобод. На достижение этой цели и была направлена в первую очередь развернувшаяся в стране политика всеобъемлющей демократизации общества. Она-то и привела к резкому росту национального самосознания, к возрождению и обострению у каждого человека чувства собственного достоинства, стремления к независимости и самостоятельности в решении своих собст-

венных жизненно важных проблем.

Под влиянием этих факторов и сформировалось убеждение, что на протяжении нескольких последних десятилетий в нашей стране сложилась и застыла авторитарно-бюрократическая, административно-командная система государственного управления, которая по рукам и ногам сковывала местную инициативу, препятствовала каким бы то ни было проявлениям региональной самостоятельности не только в политике и экономике, но и в культуре, национальных традициях, в решении даже самых элементарных бытовых, социальных проблем.

Это тем более вызвало решительный протест, что в Конституции СССР, в Союзном договоре 1922 года черным по белому записано, что республики, образующие Союз Советских Социалистических Республик, являются суверенными государствами. А на практике этим суверенитетом и не пахло. Функции управления буквально всем и вся, вплоть до распределения каждого гвоздя, на всей территории огромной страны присвоили себе центральные органы распорядительной и исполнительной власти.

И в принципе ничего удивительного в этом нет, ведь такому развитию ситуации в известной мере способствовала и ныне действующая Конституция СССР. В ней, в частности, в статьях 73 и 76 весьма своеобразно распределены полномочия Союза и республик. С одной стороны, вроде бы такое разграничение существует. А с другой — конкретного перечня этих полномочий нет. Больше того, в одной из этих статей есть пункт, который позволяет центральным органам власти и управления помимо перечисленных функций брать на себя и другие. А какие конкретно, опять же не сказано.

Вот здесь-то и кроются истоки тотального диктата центра, протестом против которого и явился «парад суверенитетов» республик. Так что, как видим, основания для возникновения такого явления были весьма существенные.

Другое дело, что само содержание принятых деклараций о суверенитете, отдельные их статьи и положения вполне справедливо вызывают у специалистов серьезные сомнения в юридической правомерности. Речь идет, в частности, о провозглашении верховенства всех республиканских законов над союзными на своей территории, о необходимости ратификации союзных законов республиканским парламентом и о многом другом.

Конечно же, подобного рода «правовые» нормы никак не совмещаются с самой идеей существования СССР как единого, целостного государства. Скорее наоборот, они определяют его разделение на некое количество вполне самостоятельных, ничем не связанных между собой государственно-территориальных формирований. А между тем в большинстве декла-

раций говорится о том, что они объявляют свой государственный суверенитет в составе СССР. Вот уж поистине одной рукой голосуем «за», а другой — «против».

Впрочем, такого рода правовые казусы вполне объяснимы. Нынешние органы власти как в центре, так и на местах избраны, как мы помним, весной минувшего года на принципиально новой конституционной основе, подлинно демократическим путем в результате свободного волеизъявления народа. В них вошло много новых людей, представителей самых разных профессий, политических убеждений, жизненных взглядов. Достаточно сказать, например, что Верховный Совет Белоруссии обновился почти на 90 процентов. И в нынешнем его составе, к сожалению, очень небольшое число юристов, политологов, экономистов, одним словом, депутатов, имеющих опыт законодательной деятельности.

Добавим к этому явный дефицит в нашем обществе каких бы то ни было традиций демократии, политической культуры, умения вести дискуссии в цивилизованных формах, а также запал митинговых страстей, которыми наши народные избранники были заряжены в ходе предвыборной кампании и до сих пор не смогли его погасить. С учетом всего этого можно, наверное, понять, почему новые законы порой недостаточно профессионально отработаны, почему они иногда противоречат друг другу. В этом же кроется и причина так называемой «войны законов» — союзных и республиканских.

Из всего сказанного, естественно, напрашивается вопрос: каков же выход из создавшегося положения? Думается, что он прежде всего в том, чтобы не изобретать велосипед, а наполнить реальным практическим содержанием, конкретизировать уже упоминавшиеся здесь статьи Конституции СССР, которые в принципе не противоречат республиканским декларациям о суверенитете.

Сделать это, конечно, нелегко. Даже обращение к опыту других государств, имеющих вековые традиции федеративного устройства, не дает полного ответа на этот вопрос. При всем том, что в них есть немало ценного и instructive, что безусловно может и должно быть взято на вооружение, все же простое механическое копирование их модели для нас неприменимо. Прежде всего потому, что у нас субъектами федерации являются не административно-территориальные единицы, как в других странах мира, а национальные суверенные государства, каждое из которых имеет свою конституцию, законодательные и исполнительные органы власти. Ничего подобного в мировой практике нет. К тому же наши республики имеют право свободного выхода из Союза, что также в зарубежных странах не предусмотрено. Таким образом, наше государство является единственным в своем роде и может существовать

только на основе добровольного согласия входящих в него республик, заключивших между собой соответствующий договор. Именно на таких принципах это и было сделано в 1922 году, которые очень скоро были забыты, и декларированная в Конституции СССР суверенность республик превратилась в элементарную фикцию.

Но коль скоро мы хотим вернуть нашему Союзу, так сказать, первоначальный вид, нам необходимо ответить на самый главный вопрос: возможно ли существование единого независимого суверенного государства, состоящего из нескольких таких же суверенных и независимых республик? И если да, то на каких началах — федеративных или конфедеративных? А заодно и хорошенько подумать над тем, почему все-таки наша страна превратилась в унитарную державу? Произошло это в силу «имперских», как теперь нередко говорят, амбиций центра или все-таки потому, что абсолютная политическая и экономическая самостоятельность нескольких республик, входящих в состав одного государства, в принципе невозможна? Я лично думаю, что и в том и в другом варианте есть известная доля истины.

Если иметь в виду буквальное значение слова «суверенитет», то не только в составе федерации, но даже и конфедерации он в чистом виде нереален для их субъектов. Давайте будем смотреть на вещи трезво: любые отношения между людьми, в цивилизованных, разумеется, формах, невозможны без тех или иных компромиссов. Особенно если и они объединяются для решения каких-либо общих задач. А уж в государственных масштабах тем более. Самый наглядный, пожалуй, тому пример — происходящий сейчас в мире, и прежде всего в западных странах, процесс экономической интеграции.

А раз так, то, естественно, и в процессе реконструкций нашего Союза мы должны идти от жизни, а не от маниловских проектов. И решительно отбросить всякого рода националистические устремления, явно утопические представления, что мы, дескать, сами с усами и все свои проблемы за просто решим самостоятельно.

С полным текстом документа
можно ознакомиться в
библиотеке